

АЛЕКСАНДР БАРКОВ

В НОЧНОЙ ТИШИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
•МАЛЫШ•
МОСКВА

1974г.

АЛЕКСАНДР БАРКОВ

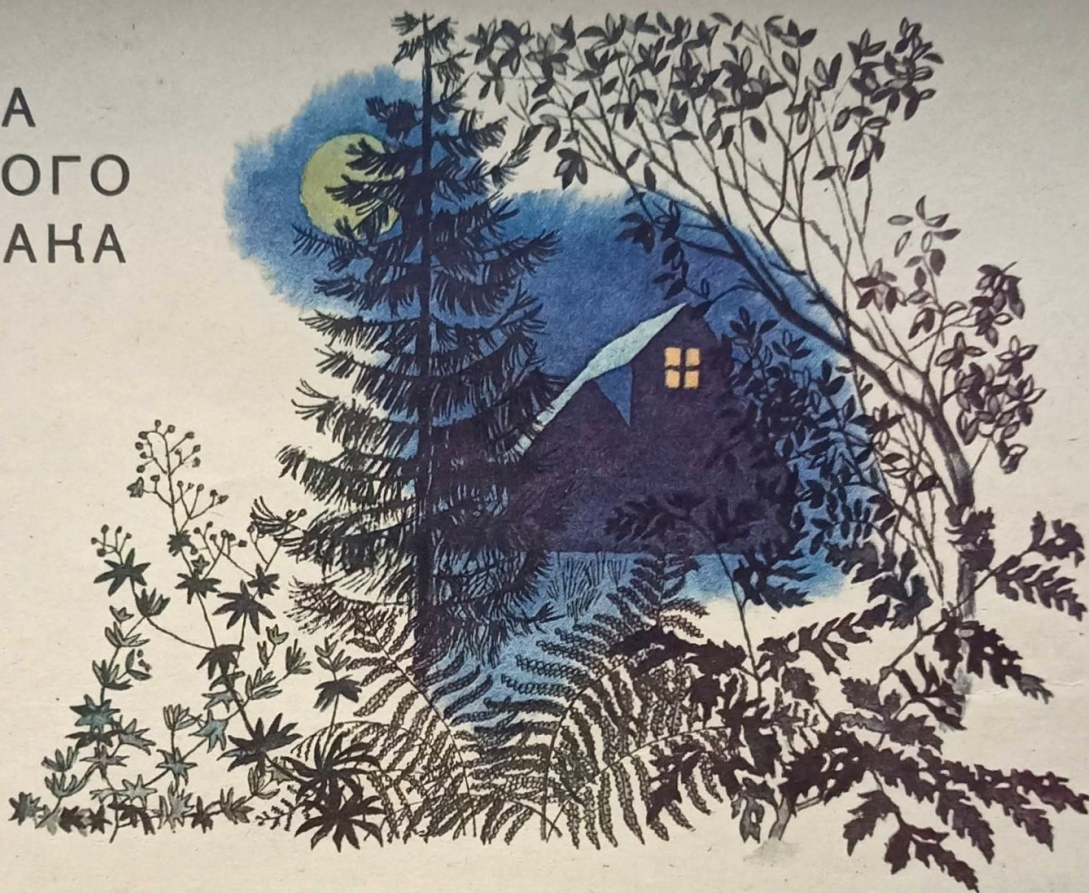
В НОЧНОЙ ТИШИ

РИСУНКИ Г. САВИЦКОГО

ТАЙНА СТАРОГО ЧЕРДАКА

Летом к пасечнику Егору Ивановичу Белову в деревню Ладинка приехал погостить из Москвы внук Максимка.

Дед сгрёб Максимку в охапку, чмокнул в щёку и загудел, точно пчела на пасеке:

— Ого-го, какой вымахал! В прошлые-то разы, помнится, от горшка два вершка был, а теперь того гляди Десну переплывёшь...

— В сентябре в школу... Мне мамка и букварь, и форму купила... А ты, дедушка, как?

— Скрипим помаленьку, — дед снова загудел. — А я ведь тебе, Максимка, гостинец припас...

Егор Иванович засуетился, поманил внука на чердак. Скрипучая лестница сладко пахла яблоками и грушами.

— Глянь-ка, Максим! — дед огладил усы, распахнул дверь и ахнул: у заветного дубового сундука были разбросаны по полу груши.

Максим поднял грушу, повертел в руках и протянул деду: сердцевина у неё была выедена.

Старик с досадой почесал затылок:

— Вот тебе и сюрприз!

— Кто-то здесь без тебя похозяйничал?!

— Кто его знает? — Егор Иванович пожал плечами. — Видать, какой-то поганец повадился!

— А Мурка жива?

— Жива-здорова... Куда она, плутовка серая, денется!

— Значит, не мышь?

— С покон веков в нашем доме ни мышей, ни крыс.

— Тогда кто ж?

— Кто? Кто? — не на шутку осерчал дед. — Больно скорый! Поживём — увидим...

В тот вечер он постелил себе постель у лестницы на чердак и стал караулить вора.

Чтобы не задремать, дед положил под подушку будильник. Зажёг фонарь. Полистал газету, зевнул раз, другой и только окунулся в сладкую дрему, как наверху зашуршало. Дед поднялся, тряхнул головой: не почудилось ли?! Шуршанье повторилось.

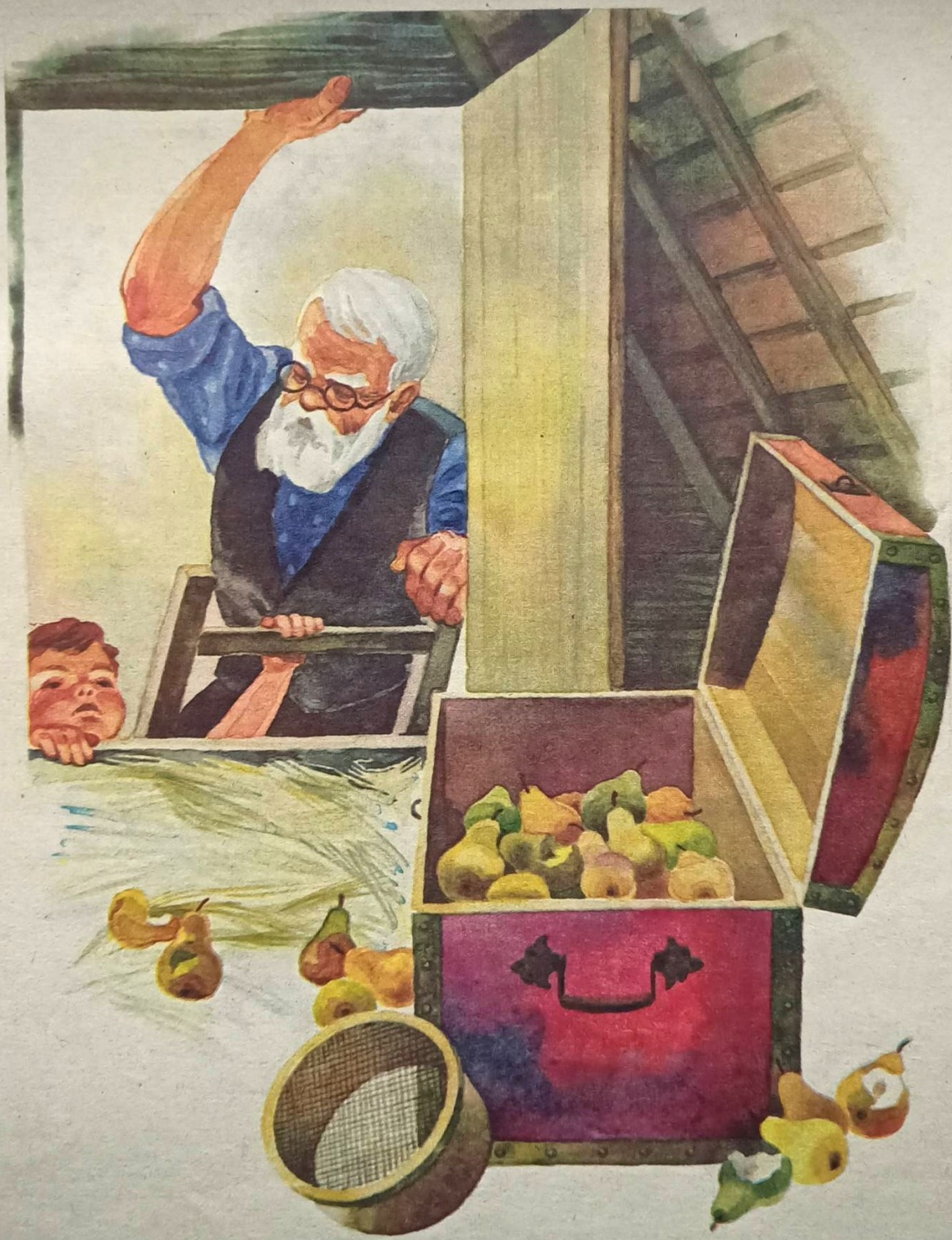
Старик приложил к уху ладонь, начал размышлять: для хомяка слишком высоко, хомяк в эту пору в поле... Белка по ночам в дупле спит... Но тогда кто?

И тут воришка пискнул тоненьким голоском и побеличьи легонько зацокал.

Егор Иванович схватил фонарь, поднялся наверх и плотно притворил за собой дверцу. Крохотный серый зверёк испугался яркого света и заметался из угла в угол. Дед изловчился и накрыл его подвернувшимся под руку решетом.

Утром Максим сразу заметил в деде перемену. Глаза его озорно, по-молодому сверкали из-под густых бровей, а крючковатые, жёлтые от табака пальцы проворно барабанили по столу.

— Поймал, что ли?

— А то как же! — кивнул дед и хвастливо добавил: — От старого да лукавого далеко не убежишь!

Егор Иванович поманил за собой внука и вышел в сени. Там, в ящике, накрытом частой сеткой, сидел зверёк.

— Ух ты! — удивился Максим. — Такой кроха!

— А знаешь, как его величать?

— Не-е... — мотнул головой внук. — В первый раз вижу...

— Соня-полчок!

— Почему соня?

— Да спать он больно здоров: по осени заляжет, а проснётся только летом, в июне...

— Здорово! — улыбнулся Максим.

А полчок, будто смекнул, что о нём идёт речь, встал на задние лапы, тревожно понюхал воздух. И тут мальчик разглядел зверька. Брюшко у него белое, спина — серая, лапки — с острыми коготками, а хвост беличий — длинный, пушистый.

— Так вот кто груши раскидал! — Максим погрозил зверьку пальцем. — Забавный!

— Раз забавный, пусть у нас поживёт. Это тебе вместо груш. Сюрприз!

— Спасибо! А чем его кормить?

— Больно любит полчок разные косточки, зёрнышки да орехи...

— Вот здорово! Значит, грушу делить на двоих: мякоть — мне, а зёрнышки — полчку.

— Точно! А теперь сбегай-ка в сарай за сенцом. Зверь-то зубастый. Долго ли ему ящик прогрызть...

Внук принёс охапку душистого сена, дед достал клетку, и они стали готовить зверьку новую квартиру.

— Да-а... — задумчиво пробасил пасечник. — А вообще-то полчок — зверь редкий. Не каждый о нём слышал...

— Ну?! — удивился Максим.

— Наш ветеринар Иван Гаврилович Сковорода, к примеру, сказывал мне. Мясо полчка жирное и сладкое, как мёд. В древние времена его за лакомство почитали. Даже императорам к столу подавали.

— Ух ты, какой знаменитый зверь! — рассмеялся Максим. — Императорский!

— Коли понравится, в столицу с собой повезёшь. В школу отдашь. Только корми вволю. Поесть он больно здоров!

И правда, у зверька оказался завидный аппетит. Он чавкал, грыз косточки и орехи все ночи напролёт. Максим просто не знал, как его прокормить! А полчок со дня на день толстел, становился круглым, как яблоко.

Однажды мальчик решил почистить клетку. Вынес зверька на крыльцо и едва приоткрыл дверцу, как полчок юркнул у него прямо из-под рук. Максим погнался за ним, да не тут-то было. Зверёк сбежал с крыльца, вскарабкался по стволу на черёмуху, покачался на ветке, цокнул... и перепрыгнул на тополь.

Максим рот разинул от удивления: ну и циркач!

Крохотный акробат пролетел метров пять по воздуху и при этом перевернулся через голову. Пока мальчик охал и удивлялся, полчка и след простыл.

С тех пор ни дед, ни внук всё лето его больше не видели. Огорчённый Максим так и уехал в город без зверька.

А спустя месяц в Москву пришло от деда письмо: „Вот что, окапывал сад и нашёл твоего полчка. Он спит в дупле старой груши. Хотел было я зверьку удружить — подсолнухов дать! Глянул, а у него целая кладовая: и жёлуди, и орехи, и косточки разные... Такой соня — никак его не разбудишь! Я его и за ухо тербил, и в шапку клал — а он всё спит, да спит. Так что о полчке не беспокойся! Перезимует в дупле. Приезжай, Максим, летом. Разбудишь!“

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ

В далёком детстве я жил в Крыму, в крохотной мазанке, вблизи Бахчисарая. По весне окна на ночь распахивались в сад, а к утру пол был усыпан белыми лепестками черешен.

Белоснежными казались и крыша, и крыльцо, и дорожки... После завтрака я шёл в сад, ложился под шелковицу и запоем читал рассказы Сетон-Томсона. Тайком я тоже мечтал приручить какого-нибудь зверька.

Однажды отец вернулся из похода в горы и принёс мне ежа.

— Гляди-ка,—сказал он.—Какой забавный! Пыхтит, словно паровоз!

Я очень обрадовался подарку. Прыгал вокруг ежа, трогал колючки пальцем, угощал зверька хлебом.

Вечером посадил ежа в ящик, налил ему в блюдечко молока и отнёс в сени. А сам лёг спать. Утром проснулся, заглянул в ящик, а зверёк куда-то удрал. Я искал его везде: в курятнике, в малине, даже под дом лазил. Спрашивал у соседей, но ежа, как говорится, и след простыл.

Тётя Маша, узнав про моё огорчение, предложила мне котёнка, но я наотрез отказался.

На другой день её муж, дядя Гриша, принёс мне кролика-ушана, но я снова отрицательно мотнул головой: мне нужен был только ёж. И тут мой друг Женька Блинов дал мне шарманку:

— Держи-ка! Веселей жить будет! — И хлопнул меня по плечу.

Весь вечер я не расставался с шарманкой. Где-то внутри неё, в небольшом ящике, мелодично позванивали колокольчики и звучал старинный вальс „Амурские волны“.

Перед сном я собрался вернуть шарманку Женьке и, наигрывая, пошёл к калитке. Но, чу! В кустах шиповника кто-то завопил. Я присел от неожиданности: кто бы это?! Затем всё смолкло. Верно, показалось, подумал я и крутнул ручку шарманки: там-там-там — зазвучала мелодия вальса.

И тут кусты зашелестели, будто ожили, и прямо на дорожку выкатился ёж. Ощетинился, фыркнул и огляделся. Потом задрал мордочку кверху и начал поводить носом-угольком из стороны в сторону. А дальше ещё чудней пошло: ёж поднялся на задние лапы, будто плясать собрался.

— Чудеса! — улыбнулся я и на радостях позвал отца: — Смотри-ка... беглец нашёлся. Пришёл музыку слушать!

— Вот так новости! — рассмеялся отец и угостил ежа ватрушкой. — Да он, видно, любитель музыки!

С того дня почти каждый вечер, заслышав шарманку, ёж прибежал к нашему крыльцу. Мы так и прозвали его: „Любитель музыки“.

В НОЧНОЙ ТИШИ

В один из погожих осенних дней пошёл я в лес по грибы. Бродил долго, до самого вечера, но стоящих грибов набрал мало: на дне корзинки лежали три подосиновика, моховик да с десятков маслят, стыдливо прикрытых листом папоротника.

Медленно гасла заря. Вершины сосен становились пепельно-серыми, и сквозь их густые, мохнатые ветви светились первые звёзды. Я вышел из бора, пересёк железнодорожное полотно и по узкой тропе спустился к реке Каменке.

Чуть заметно вздрагивал ивнячок.

Медленно плыл по течению жёлтый кленовый лист. Пахло осокой и сырой землёй.

Усталый, я облегчённо вздохнул и погрузил ладони в воду. Только собрался умыться, как у другого берега что-то зашумело. Я поднял голову: на торчащую из воды корягу взгромоздился филин.

— Что-то лесной чародей задумал? И я спрятался в ивняке.

Филин переступил с ноги на ногу и резко крутанул головой, прислушиваясь к ночным шорохам. Встрепнулся, выгнул шею и уставился в одну точку. Его оранжевые глаза загорелись, точно два маленьких прожектора.

Прошло несколько минут, филин не шелохнулся. Затем взмахнул крыльями и кинулся в воду. Мгновение — и в острых когтях забилась рыбина.

Птица набрала высоту и бесшумно полетела к лесу. И у реки снова разлилась сонная, безмятежная тишина.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНА СТАРОГО ЧЕРДАКА

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ

В НОЧНОЙ ТИШИ

Для старшего дошкольного возраста

Александр Барков

В НОЧНОЙ ТИШИ

Художник Г. Савицкий

Редактор Л. Архарова. Художественный редактор Г. Крюкова
Технический редактор Е. Соколова. Корректор Н. Шадрин
Сдано в производство 14/XII-71 г. Подписано к печати 31/X-73 г.
Бумага № 1 60x90/8. Печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 1,44. Тираж 150 000. Заказ № 1833
Изд. № 521. По оригиналам издательства «МАЛЫШ» Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли. Московский комбинат бумажных изделий Российского
государственного промышленного хозрасчетного объединения по производству
игрушек «Росигрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР.
Москва, Люсиновская, 30.

Фабрика офсетной печати № 2 Росглавополиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли, г. Дмитров Московской области, Московская, 3. Зак. 141

